

ПОЖАР НА ФАБРИКЕ

—
ЯНА ДВОРЕЦНАЯ
Родилась в 1991 году
в Смоленске. Прозаик,
UX-писатель и продюсерский
редактор. Выпускница
Школы писательского
мастерства Vard, литера-
турной школы CWS и мастер-
ской Ольги Славниновой.

Фабрика горела! Сорочинская чулочная фабрика полыхала накануне майских праздников. Клубы дыма куполом венчали шестиэтажное старенькое здание, извергались из настезь открытых окон, забирались в носы толпившихся снаружи работников и рассеивались в сером утреннем тумане.

Бухгалтер Елена Пенькова узнала о пожаре от коллеги Виолы.

– Лен, представляешь, «Чулок» горит! – выпалила она, едва кончились долгие гудки.

– Как горит? – Елена растерянно опустила на табурет в узком коридоре и откинулась на пуховики, висевшие на крючках.

В голове пронеслись километры узбекской ткани, которую завезли месяц назад: «Все сгорит! Это ж какие деньжищи!»

– Горит, натурально! Лен, тут такой пипец. Мы все тут, Лен. Тушим ведрами. – В голосе Виолы слышалась одышка.

– Господи! Бегу. – Елена громко заохала и начала собираться.

Пятнадцать лет Елена работала почти без выходов. Редкую субботу пропускала она – и только чтобы навестить мать. Надобности в этом не было никакой: она могла вести бухгалтерию удаленно, как делали молодые сотрудники. Но она верила, что если позволит себе хотя бы день от-

дыха, руководитель сразу же заметит и уволит, а про отпуск она и думать боялась.

Елена закинула на шею пестрый атласный платок поверх розовенькой трикотажной кофты, быстро завязала его, надела джинсы и прыгнула в старенькие кроссовки. «На шестьдесят один не выгляжу!» Елена отдала фабрике пятнадцать лет жизни, в том числе семейной, и последние нервы, но получала двадцать пять тысяч на руки ежемесячно.

Через пять минут, выскочив, подобно птичке из настенных часов, Елена уже летела на фабрику. Торопливым шагом она рассекала дорогу вдоль дома, смотря лишь себе под ноги.

– Леночка, здравствуй, – притормозила Елену упершаяся в плечо рука соседки. – Куда это ты, голуба?

«Все разведывает, никак не успокоится», – подумала Елена, но улыбку скривила.

– На работу, Нин Степанна. Некогда отдыхать.

– Правильно-правильно. На том свете отдохнем, – вздохнула Нина Степановна и подперла крепкую фигуру, похожую на трехстворчатый шкаф, вперед гордо выдалась грудь, по арбузу каждая. – Когда ж тебе туда? Ну, на пенсию.

– Еще работать будем, Нин Степанна, – скромно улыбнулась Елена, она ведь была год как на пенсии, поэтому тему пришлось сразу же сместить. – У нас же «Чулок» горит.

– Как горит? – Нина Степановна вытянула по-по-росячьи короткую шею.

Чулочная фабрика в Сорочинске известна всем – городская гордость. Как-никак, а поставляла носки для чемпионата по футболу, того, что был пять лет назад, в году эдак две тысячи во-семнадцатом.

Елена пожала плечами и развела руки.

– Поджог? Или на производстве что? – стала до-знаваться соседка.

– Ничего не знаю, Нин Степановна. Сгорит – ра-боту потеряем. – И, покосившись преступно в сторону электрощитка из грязного кирпича, прибавила: – Ай, поделом нашему Палычу. Лю-дей за людей не считает, зарплаты мизерные. Наши девки, продавщицы, вон, по семнадцать тысяч который год получают. Сгорит, и ладно. Я давно хотела в Москву устроиваться.

Нина Степановна аж налилась кровью от оби-лия ценной информации.

– Правильно, Ленусь. Ох уж эти директора-угнетатели! Мой тоже, черт, всю душу вынул. На пенсию такая счастливая уходила! Помню, как напилась, натанцевалась, провожали всем отделом. – Соседка утонула в воспоминаниях семилетней давности, аж глаза посветлели. – Молодая ж ты еще, надо тебе в Москву, да. Тебе сколько, кстати? Пятьдесят пять? Вроде в том году столько отмечала.

Елена спрятала взгляд в кроссовки и затара-торила, виновато улыбаясь, что, мол, пожар, бе-жать надо, потом зайду, поболтаем.

К тому моменту, как Елена добралась до фаб-рики, пожарные уже были на месте. Фабричные работники сновали у них под ногами и вились вокруг дымящегося здания, как пчелы возле род-ного улья. Швей, электромонтажники, инженеры и кладовщицы отнеслись к тушению не без энту-зиазма и даже словно расцвели.

У Елены зазвонил телефон, на экране высве-тилось «Сын». Выбегая из дома, Елена написала сыну, что горит фабрика. Сын перезвонил в стра-хе, что с фабрикой горят и люди. Елена взяла трубку, отбежала подальше от толпы рабочих, рассыпанных перед фабрикой кучками, и начала ходить кругами с телефоном в руках, озираясь и прикрывая рот рукой.

– Ну что там? Пострадавшие есть? – тревожился тридцатилетний Иван.

Иван уехал учиться в Москву, да так и не вер-нулся в Сорочинск, теперь бывал наездами два раза в год.

– Горим, сынок. Но пострадавших нет, успели выйти. Все тут, помогаем, кто чем может. Даже бывшие сотрудники приехали. И Василий Его-рыч, которого Палыч уволил, тоже здесь, – по-льщенная вниманием сына, кинулась рассказы-вать Елена.

– Пожарники, что ли, не потушат? – закипятился сын, мамина работа была для него, как крас-ная тряпка для быка. – Опять тебе больше всех надо.

– Палыч же увидит, кого не было. Лишь бы не со-кратили потом, – прошипела Елена. – А так, мо-жет, даже премию выпишет.

– Ага, он-то выпишет. Он, скорее, вам грамоты выпишет, как при совке, – съязвил Иван.

– Да-а, – протянула Елена, – надо увольняться из этого дурдома. Моя Ленка, вон, в Москве нормально устроилась. Год назад ушла. Но сей-час другое время, сынок, кризис, вакансий... кхм... с таким возрастом... кхм... нет, ну сам по-нимаешь. Да и куда сейчас – надо фабрику под-нимать.

Пожарные заливали широкими струями обго-ревшее здание, пламя унималось. Среди рабочих проскакивали разухабистые улыбки ратного по-двига, и все были окутаны, как теплыми кальсо-нами из ангоры, чувством собственной значимо-сти и гордости. Мы сейчас – лучше пожарников! вместо пожарников! – как все потушим. И уж тогда руководство как заметит и как наградит!

После неприятного разговора с сыном (жизни не знает) Елена вернулась к остывшей фабрике. Первый этаж почернел до цвета золы, но не весь, лишь со стороны входных ворот, а верхние уце-лели. Все кончилось! Елена, сложив руки у гру-ди, смотрела на графитовый дым, все еще валив-ший из помещений, как вдруг почувствовала, что кто-то подошел сзади, и обернулась.

– Может, еще и премию выпишут. За, так сказать, общественный подвиг, – заговорщически про-шептала Виола.

Елена пожала плечами и засобиравалась домой.

К восьми вечера она добралась до квартиры: все томилась на остановке возле фабрики, при-жимаясь к бордюру и высматривая девятую марш-рутку. А когда та подъезжала, никак не могла протолкнуться и запрыгнуть внутрь, шумные стаи подростков, как мошара, летящая на свет фона-ря, тащились в центр. Они выигрывали эту схват-ку и оказывались в маршрутке раньше Елены. Один раз машина с ее ногой на приступке вообще нача-ла отъезжать, пришлось сдаваться и снова зани-

мать былые позиции – вглядываться в номера на лобовых стеклах «газелей» и толкаться.

Дома было тихо, тоскливо и грязно. Елена шлепнула рукой по выключателю. Маленький коридорчик, переходящий в зал, озарился тусклым светом – светло-оранжевым у потолка и темно-оранжевым книзу. Елена едва могла разглядеть, куда ставит кроссовки. Вместо обуви мужа и сына (стоящих вот так с тех пор, как он уехал учиться) она видела чернеющее нечто. «Надо заняться прихожкой», – в очередной раз запланировала она.

Прошла на кухню. Люстра, похожая на подгнивший апельсин, подсветила пирамиду из тарелок, построенную безработным мужем (пятый год сидит дома), россыпь черного чая и рядом открытую пачку, кружку, всю в коричневых разводах и с четким чайным ободком внутри. И вишенка на торте – сковородка с прилипшими кусками яичницы и застывшим жиром то ли от колбасы, то ли от сала (готовил жрать и не убрал!). Елена только в медовые годы ему готовила, а потом – не заслужил.

От мужа у Елены – одно слово. К вечеру, когда она приходит с работы, он уже пьяный, но, благо, небуйный. Уставится в «Глухаря», рожа красная, с телевизором разговор ведет, но работать не мешает. Он живет на пенсию (платят минималку), Елена на свою и еще зарплата фабричная. Бюджет отдельный, как и жизни. Семь лет назад у него что-то там на авиационном не заладилось, она и не поняла что. Сел дома, через год по знакомству вышел заведующим складом в какую-то фирму, потом запил, потом снова устроился – охранником в школу, и то же самое. Все это время Елена строила карьеру на фабрике, получала грамоту за грамотой, с мужем ей было все понятно – лодырь и алкаш. Гоняла его, слезы лила на кухне, сыну жаловалась, да все без толку.

Елена устало накинула на рабочую одежду заляпанный бог знает чем фартук, схватила сковороду и принялась, бормоча проклятия, отскрести коричневые куски жареного яйца. Под струей воды те становились липкими жирными пленочками и забивали раковину. «Этот опять у Михалыча сидит. Надо Таньке звонить. Пусть гонит домой».

Перемыв посуду, Елена окинула взглядом кухню, все еще тесную и неудобную из-за чайных и кофейных потеков на столешнице, коробок, тарелок, вилок и ложек, которые разлеглись в неположенных местах. «Ладно, все потом», – вздохнула и решила еще немного поработать за

компьютером, закрыть хвосты. В это время мужа выпроводили из гостей, и он нарисовался на пороге. Одним пожеванным пыльным ботинком он нажимал на задник другого и вытягивал ноги, носки на которых воняли, как ядреный искусственный ароматизатор.

– О! Лена, – просиял муж. – А мы тут с Михалычем отметили...

Елена зыркнула на мужа с привычным отвращением, и он, хоть и был под мухой, а быстро сообразил, что надо заткнуться.

– Иди. Ложись. Спать, – отчеканила Елена и снова уставилась в компьютер, давая понять, что разговор окончен.

Муж, шатаясь, дотянул до дивана в зале и завалился сухой обломившейся веткой на него прямо в одежде.

Весь вечер Елена с мужем провели в одной комнате, но в разных мирах. Муж зычно храпел под ночную политическую передачу, она читала новости под салатик с брынзой и помидоркой и пила зеленый чай с тридцатью каплями корвалола, а потом перекинулась на интервью с очередной молодящейся звездой (опять подтяжку сделала, уже всю себя перекроила). К полуночи, не помня себя от усталости, она направилась в комнату сына – набираться сил для нового рабочего дня.

На майские работников просили не разъезжаться по дачам: надо было сплотиться и привести в порядок фабричные помещения.

У Елены дачи не было, но к матери в поселок она ездила исправно хотя бы раз в две недели. Вот и в эти выходные собиралась – пора было выбивать ковры, перетряхнуть шкафы, перестирать вещи (мать то порошок забудет насыпать, то грязное исподнее затолкает в дальнюю полку).

«Ничего, мать поймет. Сама жизнь заводу отда-ла», – утешилась Елена.

Шестого мая в будке охранника Леньки стихийно образовался детский сад из детей, которых не с кем было оставить. Те и рады – играли и веселились, пока матери (в основном матери) работали, и вскоре вытеснили самого Леньку на улицу, к мужикам. Пока тот курил одну за другой и морщился на фабричное здание, пятеро сидели рядом на его лавке, прикрытой для мягкости пыльным истертым ковром, а самый бойкий мальчуган занял главный наблюдательный пункт – Ленькин деревянный скрипучий стул – и со страстью археолога рассматривал содержимое его стола.

Ближний к воротам угол фабрики пугал космической чернотой, и нос забивал едкий запах гари, но детям было все нипочем – зато картошку сажать не надо!

Рабочие набирали в ведра труху, затаскивали на тачки обгорелые железки и слаженно, словно муравьи, занятые переустройством гнезда, тянули их к грузовику. Палыч вызвал машины, чтобы очистить обгоревшие помещения и поскорее начать ремонт. День простоя – деньги.

Утром же десятого мая, когда праздники кончились, фабрика заработала в прежнем режиме, а рабочие вернулись к своей обычной жизни. Закрыли лишь два помещения (там еще велись восстановительные работы). К счастью, третий этаж в правом крыле, где сидел отдел Елены, не пострадал. Но счастья на лицах коллег не было: все трое инженеров сидели хмурые за своими столами, когда радостная Елена ворвалась в каморку. – Всем здравствуйте! Погодка-то какая сегодня, ух! – Елена закинула сумку и полинялый пакет с обедом на стол, и там звонко стукнулись контейнеры.

Послышались сдавленные приветствия, но глаз от экрана не отодрал никто, кроме Виолы. Та держала на Елене какой-то осиротевший взгляд и следом перевела его на стол, как бы намекая – вот куда смотреть надо.

Елена повернулась и заметила на столе белый лист. Первое слово «Приказ» ударило в грудь, так что на секунды перехватило дыхание. Добежав глазами по скупым канцелярским строчкам до конца, она подбитой птицей рухнула на стул.

Летний дождь решетил утренний туман. На щербатых дорогах разлеглись лужи и не желали убраться с пути бегущих на работу. Из сумки Елены, точно свежее испеченный багет, торчал выпуск газеты «Сорочинский вестник» от 2 июня 2022 года. Первая полоса намокла, но еще хорошо читалась:

ПЛАТЯТ НОСКАМИ:
РАБОТНИКАМ СОРОЧИНСКОЙ ФАБРИКИ
ВДВОЕ УРЕЗАЛИ ЗАРПЛАТЫ

Сотрудникам АО «Сорочинская чулочная фабрика» начали платить за работу носками и колготками. Владелец предприятия Иван Павлович Крежетов сообщил нашему изданию, что пошел на такие меры из-за тяжелой финансовой ситуации после масштабных восстановительных работ, которые ведутся до сих пор (на Сорочинской чулочной фабрике в мае случился пожар, сгорели два

цеха. – Прим. редакции). Иван Павлович отметил, что решение было непростым.

Работникам фабрики предоставили альтернативу – либо продолжать работать на фабрике в режиме неполного рабочего дня, либо попасть под сокращение, связанное с оптимизацией.

«Пятеро ушли, остальные сидят на 2/3 оклада, – рассказал работник предприятия. – Уходит им, как и мне, некуда. Сам я отработал здесь не один десяток лет, многое пережил. Мы, оставшиеся, живем надеждой. Дай бог выровняемся, и к зиме начнут платить».

Взлетев на третий этаж и пожелав коллегам доброго утра, Елена Пенькова отряхнула зонт от лишней воды, закрыла его и поставила сумку с висящей, как блин, мокрой газетой возле своего стола.

Она больше не торопилась – заварила себе чай, включила компьютер и едва заметным движением поправила его экран так, чтобы Виоле, сидящей за соседним столом, не было видно. Сверившись со вчерашней эсэмэской от сына, что правильно помнит название сайта, Елена Пенькова открыла поисковик, набила на клавиатуре «Хэдхантер» и начала создавать первое в своей жизни резюме.

